

Исслѣдованія бар. Гакстгаузена о русской общинѣ въ ея настоящемъ видѣ—съ ея самоуправленіемъ и коллективной собственностью—явились въ 1847 г. даже для Россіи подлиннымъ откровеніемъ. Казалось, былъ открытъ новый міръ, подтверждавшій оригинальность и превосходство первобытнаго устройства, которымъ страна могла гордиться передъ лицомъ удивленной Европы. Но съ теченіемъ времени пришлось немного понизить тонъ. Позднѣйшія исслѣдованія разрушили возникшую было иллюзію. Они указали на болѣе раннее существованіе аналогичныхъ учрежденій во всѣхъ европейскихъ и внѣ-европейскихъ странахъ, отъ Ирландіи до Явы, отъ Египта до Индіи. Въ Европѣ различіе между Россіей и ея западными сосѣдями свелось такимъ образомъ къ вопросу возраста и культурности. На дальнѣйшее исслѣдованіе дѣла и связанныя съ этимъ новыя разочарованія на этомъ не остановились. Стало почти очевиднымъ, что эта русская община, отождествляемая съ другими формами первобытнаго общественнаго устройства и уцѣлѣвшая здѣсь, какъ думали, въ своемъ первоначальномъ видѣ благодаря болѣе медленному развитію соціально-экономической жизни, была, напротивъ, сравнительно недавняго происхожденія. Отнюдь не происходя отъ патріархальнаго коммунизма доисторическихъ временъ, не являлась ли она слѣдствіемъ круговой поруки, чуждой свободному крестьянству до

конца XVI в., но навязанной в послѣдствіи сельскимъ общинамъ крѣпостнымъ правомъ? Была ли эта община ископаемымъ? Нѣтъ, она была продуктомъ политическаго режима, который восторжествовалъ благодаря Ивану Грозному. Являлась ли она выраженіемъ народнаго духа? Отнюдь нѣтъ. Она была государственнымъ учрежденіемъ.

Такимъ образомъ, согласно точкѣ зрѣнія *Чичерина* (Опыты по исторіи русскаго права». М. 1858, 1 и с. 4 сл.), недавно поддержанной *Милоковымъ* (Очерки по истор. русск. культ. I, 186), здѣсь передъ нами поразительнѣйшій примѣръ обратнаго хода исторіи. Въ нѣкоторомъ отношеніи, онъ является, повидимому, характерной особенностью социальнаго-экономическаго развитія Русскаго государства.

Впрочемъ, хорошо ли выбранъ примѣръ?

Въ первой половинѣ XVI вѣка крѣпостное право, какъ мы видѣли встрѣчается на Руси только какъ исключеніе. Зато тамъ существуетъ община, объединяющая свободныхъ землевладѣльцевъ. Каждый крестьянинъ даже обязанъ принадлежать къ одной изъ этихъ общинъ. Въ нея стоятъ только бродяги. Эти общины представляютъ собою самоуправляющіяся единицы съ преобладаніемъ демократическаго и коммунистическаго началъ. Собраніе, гдѣ обсуждаются общія дѣла, заключаетъ въ себѣ представителей—стариковъ—отъ каждаго дома, входящаго въ извѣстный округъ—*волость*. Прежняя волость не имѣла ничего общаго съ учрежденіемъ, которое теперь носить это имя. Представляя собою нѣчто среднее между кантономъ и коммуной во Франціи, приближаясь къ американскому «township», древняя волость обладаетъ гораздо болѣе широкой компетенціей. Волостной сходъ имѣетъ право издавать обязательныя постановленія (bye-laws); онъ выбираетъ *головъ* и общинныхъ *старостъ*; онъ раскладываетъ прямыя подати, наложенныя правительствомъ на земледѣліе и промышленность; онъ избираетъ лицъ, присутствующихъ на судѣ и играющихъ тамъ роль средневѣковыхъ нѣмецкихъ Schoffen или древне-шведскихъ Nemd; наконецъ, черезъ посредство свободно избираемыхъ должностныхъ лицъ, онъ выполняетъ полицейскія функціи и защищаетъ интересы общины передъ властями.

По крайней мѣрѣ, такой порядокъ вещей можно возстановить, судя по слѣдамъ, сохранившимся на *черныхъ земляхъ*, принадлежавшихъ свободнымъ крестьянамъ. Но совершенно невозможно сказать, существовалъ ли онъ также на другихъ земляхъ рядомъ съ той юридической и полицейской организаціей, подъ кровомъ которой пользова-

лись своею властью кормленщики. Съ другой стороны, на тѣхъ же земляхъ, удалось констатировать въ XV и XVI вв. зачаточные признаки коллективной собственности или такого же владѣнія. Именно, въ центрѣ часто упоминаются въ памятникахъ той эпохи такъ называемые *сосѣди*, *складники* (отъ складать) или *сябры*, въ которыхъ нетрудно угадать крестьянъ, соединившихся для обработки опредѣленнаго участка земли. Толкуя иначе названія и образъ жизни этихъ землепашцевъ, которые, будто бы, были соединены лишь общностью налога, *Сергѣевичъ* (О. с. 1903, III, 61 и пр., 119 и пр.) допускаетъ другія формы общиннаго землевладѣнія. На земляхъ высшаго духовенства и монастырей, съ исторіей которыхъ мы лучше знакомы, пользованіе нѣкоторыми землями было, повидимому, общимъ для всѣхъ держателей. Другими словами, надѣлъ каждой семьи,—*соха* (то же—*вить*, *virgate* англичанъ) не представлялъ собою опредѣленнаго, строго ограниченнаго участка, но давалъ право занять и обрабатывать, напр., 5 десятинъ въ каждомъ изъ трехъ полей. Въ одномъ изъ владѣній Троицкаго монастыря (*Сергѣевичъ*, О. с. стр. 440) встрѣчается, какъ единственное исключеніе, общая обработка участковъ, которыми надѣлены крестьяне. Наконецъ, на земляхъ, конфискованныхъ дѣдомъ Ивана послѣ присоединенія Новгорода, т.-е. отнятыхъ у бояръ и отданныхъ оброчнымъ крестьянамъ, мы также видимъ зарожденіе и даже нѣкоторое развитіе общиннаго пользованія лугами, озерами и лѣсами. Но все это оставалось мѣстнымъ, зачаточнымъ или совершенно новымъ явленіемъ. Конечно, оно было очень далеко отъ полнаго и всеобщаго коллективизма теперешняго русскаго *міра*, съ его періодическимъ передѣломъ, аналогичнымъ *gun-ging* у ирландцевъ или англичанъ. *Міръ* находится тамъ лишь въ зачаткѣ, и до сихъ поръ нельзя съ точностью выяснить происхожденіе и развитіе этого зародыша.

Развитіе началось съ XV и продолжалось до XVI в. Въ эту эпоху русская община не является, конечно, остаткомъ патріархальнаго устройства первыхъ временъ, уничтоженнаго норманскимъ покореніемъ или, какъ это допускаютъ нѣкоторые историки, погибшаго еще ранѣе того отъ смѣшенія славянской расы съ чуждымъ ей финскимъ элементомъ. Но были ли финны въ древней южной Руси? Это не вполне достоверно. Является ли реставрированная община возрожденіемъ древняго общиннаго строя, обусловленнымъ постоянствомъ нѣкоторыхъ соціальныхъ формъ? Или надо ее признать, напротивъ, продук-

томъ совершенно новаго, самостоятельнаго процесса, въ которомъ, по примѣру славянофиловъ, слѣдуетъ видѣть выраженіе особой склонности русскаго духа къ жизни сообща, къ ассоціаціи? Это—темные вопросы. Едва ли національное самолюбіе можетъ внести туда какой-нибудь свѣтъ. Упомянутой склонности отрицать нельзя. О ней свидѣтельствуютъ *артели*. Но въ Германіи и, особенно, въ Англіи социальный духъ проявилъ гораздо болѣе энергіи въ средѣ общинныхъ группировокъ, сопротивленія которыхъ не могла преодолѣть даже современная централизація.

Я склоняюсь къ тому, что здѣсь смѣшиваются два начала—историческіе пережитки и природныя наклонности; они сочетаются въ жизни населенія, долго находившагося въ неорганизованномъ состояніи, чтобы, на порогъ новаго времени, сообщить особую форму зарождающемуся обществу.

Русская община XV в. совершенно чужда родовому началу. Она открыта для каждаго. Всякій крестьянинъ можетъ войти въ нее, принявъ на себя часть общихъ повинностей. Она носитъ чисто договорный характеръ и отличается этимъ отъ старинныхъ формъ, сохранившихся среди нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ племенъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Но нѣкоторая административная автономія приближаетъ ее къ этому прототипу. Однако, характеръ и границы этой автономіи являются предметомъ спора. Принимаетъ ли община XV в. участіе въ судопроизводствѣ и въ какой мѣрѣ? Вопросъ остается открытымъ. Очевидно, все-таки, что судебная организація того времени, связанная съ вышеупомянутой системой, кормленія, не уживалась ни съ какой другой властью. Поле принадлежитъ служилымъ людямъ. Охота запрещена. А развѣ подсудное населеніе не было на самомъ дѣлѣ дичью?

Но картина мѣняется въ слѣдующемъ вѣкѣ. Общинное самоуправленіе внезапно расширяется. Оно стремится захватить всю область мѣстнаго управленія со всѣми ея правами. Что же произошло? А то, что служилые люди оказались не на высотѣ. Своей эксплуатаціей они разорили области. Своей бездѣятельностью и беспорядочностью они не только нанесли тяжелый ущербъ частнымъ интересамъ,—о которыхъ, впрочемъ, государство нимало не заботилось,—они повредили тому, къ чему государство отнюдь не могло быть равнодушнымъ. Служилые люди уничтожили или истощили источники государственныхъ доходовъ. Тогда, колеблясь еще между двумя полюсами разви-

вающагося политическаго строя—между самодержавіемъ и освободительными теченіями—государство рѣшается нарушить имъ самимъ установленныя привилегіи. Онѣ явно не оправдали его ожиданій. Поэтому оно пытается передать другимъ тѣ обязанности, которыя, къ своему сожалѣнію, оно довѣрило недостойнымъ. Съ этой цѣлью, оно обращается къ тому самому общинному устройству, которое такъ долго оставалось въ пренебреженіи и даже подвергалось нападкамъ. Грамоты, раздаваемыя все охотнѣе, облакаютъ старость и присяжныхъ властью, которая сначала ограничить, а потомъ совершенно уничтожить власть государевыхъ намѣстниковъ и волостелей. Но ради этого государство не отступить отъ своей основной программы. Оно не вполне отрекается отъ своего деспотизма. Оно ищетъ компромисса между этимъ принципомъ и духомъ учреждений, призванныхъ къ новой роли. И этотъ компромиссъ оно находитъ въ томъ, что, даруя власть, отнимаетъ независимость. Выборныя лица, полномочія которыхъ оно расширяетъ, будутъ все же чиновниками, его агентами, а община, развившаяся, выросшая, приподнятая, станетъ государственнѣмъ учрежденіемъ. Мы прослѣдимъ эту фазу вплоть до слѣдующей ступени, гдѣ община, подъ вліяніемъ крѣпостнаго права, получить совершенно новую форму. То будетъ самоуправленіе каторги, коллективизмъ цѣпи, сковывающей людей попарно.

Чтобы понять эти постепенныя превращенія, необходимо изучить ближе, хотя бы и въ общихъ чертахъ, дѣйствія отдѣльных колесъ машины, испытавшей на себѣ вліяніе перемѣнъ.
